

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-14>

УДК 82

ВСТРЕЧА С ВЛАСТИТЕЛЕМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. ЗАЗУБРИНА

Е.Н. Проскурина (Новосибирск, Россия)

Аннотация

В статье предпринят анализ «сталинских» эпизодов в романе сибирского писателя В.Я. Зазубрина «Горы» (1930–1933) в аспекте сюжетной ситуации «встречи с властителем». «Сталинские» страницы романа Зазубрина дополняют литературный ряд, выстроенный в контексте исследуемой проблемы в работах А.К. Жолковского и Е.Н. Проскуриной и составленный из произведений Пушкина, Л. Толстого, Ф. Искандера. В центре анализа данной работы те фрагменты романа В. Зазубрина, которые связаны с образом Сталина, восприятием героем личности «отца народов» и его ролью в общей структуре сюжета, посвященного проблемам коллективизации алтайской деревни. В контекст романного сюжета встраиваются также личные впечатления от встреч Зазубрина со Сталиным.

Результаты исследования. Как показал анализ, не раз возникающая в романе «Горы» сюжетная ситуация «встречи с властителем», являясь частью идеологического задания автора, выступает неким инородным телом в сюжете, разрушая его единство. Не последнюю роль играет в данном случае и биографический аспект: демонстрация Зазубриным, как опальным писателем, своей политической правоверности власти. Однако главным действующим лицом произведения оказываются горы Алтая, изображенные автором в ярких экзотических красках.

Ключевые слова: роман В. Зазубрина «Горы», литературная «сталиниана», автор и герой, герой и власть.

Постановка проблемы и обзор литературы. Анализ сюжетной ситуации «очной ставки с властителем» в связи с проблемой «герой и власть» был предпринят А. Жолковским на материале творчества А.С. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Искандера [Жолковский, 2001]. Имя последнего автора симптоматично для нашего исследования, поскольку Жолковский обращается к его рассказу «Пиры Валтасара», входящего в обширную в XX в. литературную «сталиниану». В нашей монографии «Фаустиана Андрея Платонова» мы дополнили этот литературный ряд, обратившись к творчеству А. Платонова: его рассказам «Усомнившийся Макар», «Государственный житель» и «Мусорный ветер», а также повести «Котлован», где, помимо Петра Первого («Государственный житель», «Котлован») и Сталина («Усомнившийся Макар»), выведен образ еще одного «властителя»: Гитлера («Мусорный ветер») [Проскурина, 2015]. В данной работе в связи с заявленной проблемой мы обращаемся к роману В. Зазубрина «Горы», отдельные эпизоды которого пополняют литературную «сталиниану». Из всего текста произведения нас будут интересовать те фрагменты, которые связаны с образом Сталина, восприятием героем личности «отца народов» и его ролью

в общей структуре сюжета. В литературный контекст встраиваются также и личные впечатления от встреч Зазубрина со Сталиным.

В плане проблематики романа сталинские эпизоды затрагивались в статье Т.П. Шастиной [Шастина, 2016], на уровне мифопоэтики алтайского текста русской литературы отдельные наблюдения сделаны А.И. Куляпиным [Куляпин, 2013], связь с биографией Зазубрина отмечена в исследовании В.Н. Яранцева [Яранцев, 2012]. Тем не менее в результате предпринятых литературоведами попыток не возникает целостная художественно-биографическая картина, создать которую мы ставим *целью* данного исследования.

Результаты исследования. Тематически роман «Горы», действие которого разворачивается в 1928 г., накануне кампании по коллективизации деревни, посвящен проблеме хлебозаготовок: курс на сворачивание НЭПа и форсирование процесса обобществления крестьянских хозяйств был взят на XV съезде партии, проходившем в декабре 1927 г. Зазубрину как ошельмованному писателю, подвергнутому партийной критике после публикации в «Сибирских огнях» рассказа «Общежитие» [подробно см.: Проскурина, 2018], повлекшего отстранение от работы в журнале, произошедшего в 1928 г.¹, надо было вновь доказывать свою правоту и следование новой «генеральной линии». «Вещь у меня новая, совершенно бодрая (не казенная), облита солнцем и с положительным героем», – писал Зазубрин Горькому в 1930 г. [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 271]. «Положительный герой» романа Иван Безуглый приезжает на Алтай с желанием «горячей работы» по коллективизации единоличных хозяйств края. Однако он оказался настолько заморожен Алтаем, что надолго забывает о своем намерении. Настроения Безуглого отражают творческий интерес самого автора, поглощенного экзотическим колоритом края, изображение которого заняло почти половину романного текста. Именно сцены, посвященные величественному и загадочному Алтаю, лишь отчасти открывающему герою-пришельцу свои тайны – через природу, законы ее обитателей, а также национальные обряды, – составляют главную художественную ценность произведения.

Во второй части романа Зазубрин, словно спохватившись, начинает активно разрабатывать «коллективизационную» линию. Именно в этой связи возникает в произведении образ Сталина. Так, в сцене собрания в селе Белые Ключи, где разворачивается основное действие «Гор», взгляд Безуглого останавливается на портрете, висящем «на золотой от капель смолы стене сельсовета»

¹ В июне 1928 г. членами бюро Крайкома ВКП(б) была вынесена резолюция о журнале «Сибирские огни». В ней говорилось, что «наряду с известными достижениями... журналом допущены серьезные идеологические ошибки», как то: публикация произведений, отражающих «чуждые рабочему классу настроения и влияния». В качестве примеров приведены роман А. Югова «Безумные затеи Ферапонта Ивановича», статьи монголоведа А. Бурдукова «Сибирь и Монголия» и В. Зазубрина «Литературная пушнина», «Заметки о ремесле», «Октябрь и литература», а также другие материалы, содержащие «элементы ревизии основных положений марксистской методологии в области художественной критики и искусства вообще» (См.: [Сибирские огни, 1928, с. 235]). В результате обрушившейся на него критики, в которой особая роль принадлежит авторам журнала «Настоящее» (А. Курсу, И. Шацкому и др.) и «На посту» (Г. Лелевичу, С. Родову), Зазубрин был отстранен от руководства Сибирским союзом писателей и выведен из состава редколлегии журнала «Сибирские огни».

[Зазубрин, 1990, с. 281]. Золотой фон стены задает иконописное восприятие образа вождя, изображенного сельским художником на берегу Енисея: Сталин движется по берегу реки, неся на правом плече рыбацкую сеть, а в левой «крепко стиснутой» руке – «связку больших жирных осетров. Круглые куски льда на плавниках и на панцире рыб блестели, как золотые монеты» [Там же]. В этом экфразисе рыбацкий образ Сталина акцентирует его статус собирателя, «отца народов», в чем есть и апостольский призыв «ловца человеков». Золотые блики на портрете поддерживают иконописную модальность образа вождя. Вместе с тем ощутимо мерцает в нем и другой план, связанный с политическими репрессиями в стране: сеть в сочетании с «крепко стиснутой рукой», в которой Сталин сжимает связку осетров, ассоциируется с удавкой. Хотя этот скрытый намек тут же гасится воспоминанием Безуглого об участии в XV съезде партии. Сцена эта создана Зазубриным на основе его личных впечатлений как участника съезда: «Безуглый вспомнил позолоту стен Андреевского зала. На трибуну... вышел сухощавый, выше среднего роста человек. На нем – защитный френч, серые штаны и сапоги. На голове у него – нетронутые временем черные пряди волос. Концы усов опущены книзу. Глаза темны и суровы. Лицо в свете юпитеров – бледно. Его слушала вся страна и миллионы за рубежом. Он ни разу не повысил голоса, не сделал ни одного резкого движения. Он был спокоен. Он видел, как в обвалах войн и революций, точно в первоизданном хаосе, шли горнообразовательные процессы, возникали материки нового мира» [Там же]. Поэтика данного фрагмента направлена на создание яркого визуального образа Сталина как «отца народов», где сделан предельно прозрачный намек на его богоподобие. Золотой фон зала вновь служит маркером иконописности словесного портрета Сталина, в котором «не тронутые временем черные пряди волос» становятся символом бессмертия. Словно древний Саваоф, он прозревает превращение жизненного хаоса в космос, осуществленное его собственной «горнообразовательной» деятельностью. На наш взгляд, используемая Зазубриным метафора содержит отсылку к 103 псалму, акцентируя демиургический масштаб преобразований Сталина, сравнимый с актом Творения: «...на горах встанут воды; от угрозы Твоей они побегут, от звука грома Твоего убоятся. Восходят на горы и сходят на равнины, на место, которое Ты назначил для них, – предел положил, которого не перейдут, и не обратятся, чтобы покрыть землю. Ты посылаешь источники в ущельях, посреди гор пройдут воды, напоят всех зверей полевых, дикие ослы утолят жажду свою, при них птицы небесные поселятся, из среды скал подадут голос. Ты орошаешь горы с высот Своих, – от плода дел Твоих насытится земля...» (Пс. 103: 6–13).

В этой скрытой межтекстовой параллели – полемика с выступившим на собрании сибирским мудрецом Бидаревым, который в защите «своего» хозяйства ссылается на книги Ветхого Завета, перефразируя пророчества Исайи и Михея:

«...Ибо будет последние дни явлена гора господня и дом божий наверху горы, и возвысится превыше холмов, и придут к ней народы. И пойдут народы многи и рекут: прийдите и взыдем на гору господню... И раскуют мечи свои

на орала и копыя свои на серпы, и не возьмет народ на народ меча, и не будет научиться воевать... И отдохнет каждый под лозою своею, каждый под смоковницей своею, и не будет устрашающего...» <...>

– Слышите, глухие, – под лозой с в о е ю, под смоковницей с в о е ю. Вы же, прелестники, хотите отнять у человека поля его, скот его и дома» [Зазубрин, 1990, с. 280] (выделено автором. – *Е.П.*)².

Одна и та же метафора горы интерпретируется героями в противоположном значении. Сельский философ Бидарев видит в ней символическое воплощение идеи личного благополучия, тогда как Безуглый – вселенского, осуществленного сталинским демиургическим деянием. При этом в его восприятии Сталина характерная для иконописного образа Господа Вседержителя суровость, отмеченная во взгляде, соединена с простотой, подчеркнутой невыразительным обликом «сухощавого человека» в серых штанах и сапогах, что становится эмблемой человекобожеского статуса «отца народов», инверсирующего евангельский образ Богочеловека.

Любопытно, что в начале собрания Безуглый делает попытку подражания вождю: он «встал, спокойным движением заложил правую руку за борт своего потертого френча, левой оперся на стол» [Там же, с. 274]. Однако одного внешнего дублирования: потертого френча, заложенной за его борт руки – оказывается недостаточным, чтобы стать местным Сталиным. Почувствовав это несоответствие, Безуглый тут же сконфуженно опускает голову, при этом на его щеках выступают красные пятна. Сама же попытка двойничества с вождем встраивает героя в ряд литературных травестийных / сниженных двойников, образцом для которых в классике XIX в. был Наполеон (Германн в «Пиковой даме» Пушкина, Чичиков в «Мертвых душах» Гоголя, Раскольников в «Преступлении и наказании» Достоевского, Александр I, Сперанский, Андрей Болконский в «Войне и мире» Толстого и др.). В советской литературе и кинематографе аллюзии в образах персонажей на образ Сталина выписаны в соответствии с моделью идеального правителя. Главные среди них – «Петр Первый» А. Толстого, «Иван Грозный» В. Костылева, «Дмитрий Донской» С. Бородина [подробнее см.: Добренко, 1990; 2008, Пападопулу, 2015]. Редкий случай травестийного двойничества со Сталиным можно обнаружить в рассказе А. Платонова «Усомнившийся Макар»: в образе «рябого Петра» [Проскурина, 2015, с. 237–238].

В последний раз имя Сталина возникает в «Горах» в эпизоде командировки Безуглого в коммуны «Новый путь», прообразом которой явилась легендар-

² Ср. в Книге пр. Исаяи: «Слово, которое было в видении к Исаяи, сыну Амосову, о Иудее и Иерусалиме. И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его, ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима. И будет Он судить народы, и обличит многие племена, и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2: 1–4); пр. Михея: «Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Господа Саваофа изрекли это» (Мих. 4: 4).

ная алтайская коммуна «Майское утро», организованная учителем Андрианом Топоровым, выведенным Зазубриным в образе учителя Митрофана Ивановича. В одной из сцен Митрофан Иванович случайно обнаруживает выпавшие из кармана Безуглого записки. «Стихи сочиняете?» – спрашивает подслеповатый учитель, на что Безуглый отвечает: «Вы обнаружили у меня действительно большую поэму. Я ее иногда читаю на собраниях» [Зазубрин, 1990, с. 331]. Далее он показывает свои записки, где под конкретными датами собраны биографические сведения о человеке, имя которого не называется: «арестован в Баку, сослан в Сольвычегорск, бежал, опять арестован в Баку... Вы понимаете, этого человека не могли удержать ни тюрьмы, ни пустыни Сибири, ни границы... Человек этот, несмотря на совершенно неистовую подпольную работу, ни разу не был схвачен с вещественными доказательствами. Охранке никогда не удавалось создать против него судебного дела. Какими исключительными организаторскими способностями надо было обладать, чтобы так работать... Не каждому дано сочинить такую поэму» [Там же]. На вопрос Безуглого, знает ли Митрофан Иванович имя этого человека, тот отвечает: «Шутите, Иван Федорович. У нас пионер любой вам скажет...» [Там же]. Для героя простые блокнотные записки – уже поэма, если речь в них идет об «отце народов».

В ряд становящейся литературной «сталинианы», получившей активное развитие во второй половине 1930–1940-х гг. [см.: Черемнин, 1950; Добренко, 1990], «Горы», на наш взгляд, попадают отнюдь не по творческому «зову» Зазубрина. Вероятнее всего, «сталинские» эпизоды встроены автором в текст в процессе его переработки, причем после встречи писателей с вождем в доме Горького, состоявшейся 26 октября 1932 г. На этой встрече Зазубрин, поддавшись собственной эмоциональности, в славословии Сталину, желая отметить его простоту и естественность, вдруг стал сравнивать советского вождя с итальянским фашистским лидером Муссолини. Подробно зазубринская речь приведена в воспоминаниях К. Зелинского:

«Особенно неловкое, даже я бы сказал странное, впечатление произвела на меня речь Зазубрина. Он сидел ко мне широкой спиной за соседним столом – лицом к лицу со Сталиным.

– Есть еще одна группа, – сказал Зазубрин. – Вот групповщина, о которой у нас говорят, но которая уже мешает развитию литературы. Эта групповщина – цензура. Вот, например, один мой товарищ захотел описать Сталина. Что же он заметил в Сталине, мой товарищ, которого не пропустила цензура? Он заметил, прежде всего, простоту речи, поведения, рябины на лице, – словом, ничего величественного, никакого рефлекса на величие. А вот когда академик Павлов сидел в Риме на конгрессе рядом с Муссолини, он сказал о его подбородке: „Вот условный рефлекс на величие“.

Затем пошло сравнение Сталина с Муссолини и предостережения тем, кто хочет рисовать Сталина, как и других членов Политбюро, точно членов царской фамилии, – с приподнятыми, подбитыми ватой плечами.

Сталин сидел, насупившись. Чувство величайшей неловкости сковало нас всех. У меня было такое ощущение, точно я вдруг попал в женскую баню: не знаю, хоть в землю провалились.

– Вот черт, позови вашего брата, – сказал мне шепотом Герман, – ну какой он бред несет!..

Но скоро эта бестактная игра на мнении о Сталине в его присутствии прекратилась. Зазубрин кончил так же неожиданно, как и начал»³.

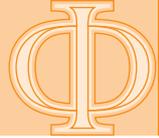
Таким образом, можно предположить, что эпизоды со Сталиным в романе «Горы» – способ творческого покаяния Зазубрина перед вождем за собственную бестактность. Образ Сталина в романе выписан в соответствии с каноном соц-реалистической «сталинианы», акцентирующей сочетание простоты и величия советского вождя. Нельзя не учитывать и того факта, что в период создания «Гор» Зазубрину как литературному изгою было необходимо засвидетельствовать свою правоту не только перед советской критикой, но и перед властью. Еще в 1930 г. Горький в письме к Сталину выступил заступником писателя: «Теперь, когда Сырцов, Курс и Ко обнаружили истинную свою сущность, следовало бы восстановить в партии Зазубрина, ведь это они травили его, они же испортили хороший журнал „Сибирские огни“, высадив из него талантливых людей. Зазубрин – очень талантливый человек. И – честный»⁴. После совершенной оплошности на встрече с вождем для писателя стало чрезвычайно актуально творчески утвердить свою идеологическую «честность».

Однако, как это было и в произведениях Зазубрина 1920-х гг. (роман «Два мира», повесть «Щепка», рассказы «Бледная правда» и «Общежитие»), его художественное перо вновь оказалось правдивее политических установок. Изображая в последней части «Гор» кулацкий мятеж как отчаянную реакцию на проигранное противостояние колхозному движению, автор одновременно приводит к краху и судьбу своего главного героя: жена Безуглого доживает последние дни после неудавшегося аборта, а сын искалечен лошадей кулака Андрона Морева. Финал романа открыт. Текст его остался недописанным, вероятнее всего, по той причине, что сама жизнь не давала оснований для соответствующего политическим установкам развития сюжета. Не случайно Зазубрин переделывал роман до конца жизни. Он продолжал перерабатывать произведение даже после его публикации в «Новом мире» (1933–1935), о чем свидетельствуют фрагменты письма В.Д. Ряховскому, написанного Зазубриным незадолго до ареста 1937 г.: «Лето наступило. Тепло. Из земли все прет. Я пишу „Горы“. Наконец-то взялся за ум...» [см. Проскурина, 1994, с. 67]. И это при изначальном намерении завершить роман в 1931 г.

Выводы. Таким образом, в конкретно-исторических обстоятельствах 1930-х гг. реализация замысла создать «жизнерадостную и полнокровную» книгу оказалась

³ Воспоминания К.Л. Зелинского «Вечер у Горького» (26 октября 1932 г.). URL: https://perpetrator2004.ucoz.ru/Zelensky_At_Gorkys.htm#_ftn18 (дата обращения: 28.06.2019).

⁴ М. Горький – И. В. Сталину. URL: <http://doc20vek.ru/node/1575> (дата обращения: 30.11.2018).

для Зазубрина как честного писателя невозможной. Своей отнюдь не оптимистической сюжетной стратегией «Горы» выделяются из ряда литературных произведений о коллективизации деревни, таких как «Путь к социализму» А. Твардовского, «Бруски» Ф. Панферова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Великое кочевье» А. Коптелова. Ближе всего по трагическому развитию сюжета роман Зазубрина оказывается, на наш взгляд, к «Котловану» А. Платонова, при всей разности поэтик двух этих произведений. Что касается сюжетной ситуации «встречи с властителем», то, не раз возникая в романе, она отличается своей натужностью, выступая неким инородным телом в сюжете и разрушая его единство. Главным же действующим лицом произведения оказываются горы Алтая, что, кстати сказать, эксплицировано уже в предпосланном эпиграфе, взятом из Несторовой Летописи: «...им же высота яко до небес, и в горах тех ключ и говор; и секут гору хотящие просещися. Нестор. Летопись. 1096 год» [Зазубрин, 1990, с. 169].

Библиографический список

1. Добренко Е. Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛО, 2008. 424 с.
2. Добренко Е. Сделать бы жизнь с кого? (образ вождя в советской литературе) // Вопросы литературы. 1990. Сент. С. 3–34.
3. Жолковский А.К. Очные ставки с властителем // Пушкинская конференция в Стенфорде: Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2001. Вып. 7. С. 366–402.
4. Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1990. 412 с.
5. Куляпин А.И. Мифопоэтика романа В. Зазубрина «Горы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. С. 66–72.
6. Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1972. Т. 2. 444 с.
7. Пападопулу И. Сталинский миф: Официальный образ вождя в художественной литературе социалистического реализма // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 74–83.
8. Проскурина Е.Н. Неопубликованные письма В.Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
9. Проскурина Е.Н. «Общежитие» В. Зазубрина как «неудавшийся» рассказ (на материале критических оценок современников и партцензуры) // Сибирский филологический форум. 2018. № 4. С. 4–18.
10. Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова. М.: Новый хронограф, 2015. 350 с.
11. Сибирские огни. 1928. № 4.
12. Черемин Г.С. Образ Сталина в советской художественной литературе. М.: Правда, 1950.
13. Шастина Т.П. Ойротия – Горный Алтай: Национальный проект в раннесоветской литературе («Горы» В.Я. Зазубрина) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2. С. 113–135.
14. Яранцев В.Н. Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2012. 751 с.

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); e-mail: proskurina_elen@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-14>

MEETING WITH THE SOVEREIGN IN THE LIFE AND CREATIVITY OF V. ZAZUBRIN

E.N. Proskurina (Novosibirsk, Russia)

Abstract

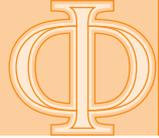
The article analyzes the „Stalin’s” episodes in the novel of the Siberian writer V. Ya. Zazubrin „Mountains” (1930–1933) in the aspect of the plot situation „meeting with the sovereign”. The „Stalin’s” pages of the Zazubrin novel complement the literary series, built in the context of the problem being studied in the works of A. K. Zholkovsky and E. N. Proskurina and composed of the works of Pushkin, L. Tolstoy, F. Iskander. In the center of the analysis of this work are those fragments of the novel by V. Zazubrin, which are connected with the image of Stalin, the perception by the hero of the personality of the „father of nations” and his role in the general structure of the plot devoted to the problems of collectivization of the Altai village. In the context of the novel plot are also embedded personal impressions of the meetings of Zazubrin with Stalin.

Results of the research. As the analysis showed, the plot situation of the „meeting with the sovereign”, which appears more than once in the „Mountains” novel, being part of the author’s ideological task, acts as a kind of foreign body in the plot, destroying its unity. The biographical aspect also plays a significant role in this case: showing Zazubrin as a disgraced writer of his political orthodoxy of power. However, the protagonist of the work are the Altai mountains, depicted by the author in bright exotic colors.

Keywords: *the novel of V. Zazubrin „Mountains”, literary „Staliniana”, author and hero, hero and power.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Dobrenko Ye. Muzei revolyutsii: Sovetskoye kino i stalinskiy istoricheskiy narrativ [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin’s historical narrative]. M.: NLO, 2008. 424 s.
2. Dobrenko Ye. Sdelat’ by zhizn’s kogo? (obraz vozhdya v sovetskoj literature) [Would make a life with whom? (image of the leader in the Soviet literature), *In Voprosy literatury*]. 1990. Sent. S. 3–34.
3. Zholkovskiy A.K. Ochnyye stavki s vlastitelem [Confrontations with the ruler, *In Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde: Materialy i issledovaniya*]. M.: OGI, 2001. Vyp. 7. S. 366–402.
4. Zazubrin V. Obshezhitiye [Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoye knizhnoye izd-vo, 1990. 412 s.
5. Kulyapin A.I. Mifopoetika romana V. Zazubrina «Gory» [Mifopoetika novel by V. Zazubrina «Mountains», *In Altayskiy tekst v russkoy kul’ ture*]. Barnaul, 2013. S. 66–72.
6. Literaturnoye nasledstvo Sibiri [The literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, 1972. T. 2. 444 s.
7. Papadopulu I. Stalinskiy mif: Ofitsial’nyy obraz vozhdya v khudozhestvennoy literature sotsialisticheskogo realizma [Stalin’s myth: The official image of the leader in the fiction of socialist realism, *In Vestnik RUDN, seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika*]. 2015. № 4. S. 74–83.
8. Proskurina E.N. Neopublikovannyye pis’ma V.Ya. Zazubrina [Unpublished letters of V.Ya. Zazubrin, *In Gumanitarnyye nauki v Sibiri*]. 1994. № 4. S. 61–67.
9. Proskurina E.N. «Obshezhitiye» V. Zazubrina kak «neudavshiysya» rasskaz (na materiale kriticheskikh otsenok sovremennikov i parttsenzury) [„Dormitory” by V. Zazubrina as a «failed» story (based on the critical assessments of contemporaries and parttsenzury), *In Sibirskiy filologicheskiy forum*]. 2018. № 4. S. 4–18.

10. Proskurina E.N. Faustiana Andreya Platonova [Faustian of Andrei Platonov]. M.: Novyy khronograf, 2015. 350 s.
11. Sibirskiye ogni [Siberian lights]. 1928. № 4.
12. Cheremin G.S. Obraz Stalina v sovetskoy khudozhestvennoy literature [The image of Stalin in Soviet fiction]. M.: Pravda, 1950.
13. Shastina T.P. Oyrotiya – Gornyy Altay: Natsional’nyy proyekt v rannesovetskoy literature («Gory» V.Ya. Zazubrina) [Oyrotia – Gorny Altai: National Project in the Early Soviet Literature („Mountains” by V.Ya. Zazubrin), *In Imagologiya i komparativistika*]. 2016. № 2. S. 113–135. DOI: 10.17223/24099554/6/8
14. Yarantsev V.N. Zazubrin. Chelovek, kotoryy napisal «Shchepku» [Zazubrin. The man who wrote “Sliver”]. Novosibirsk: RITS NPO Soyuza pisateley Rossii, 2012. 751 s.

About the author

Elena Nikolaevna Proskurina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); e-mail: proskurina_elen@mail.ru